

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	11
Чувствительная тема, деликатная методология.....	14
ПЛЮЩ И РОМБ ЯПОНИИ	22
Вопрос о «социальном бандитизме» в Японии	25
Якудза и национальное строительство	30
Общество насилия	37
Социологическое и общественное происхождение якудза	42
Пролетариат буракумин.....	48
Сплетенные меньшинства.....	50
ОТ АЗАРТНОЙ ИГРЫ К ИГРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ.....	53
Азартные игры и притоны.....	55
Тэкия — особый случай.....	59
От бакуто к якудза.....	64
Черное золото угля	66
Азиатизм и ультранационализм	72
Дела и политика «Гэньёся».....	78
Якудза как организаторы электорального вмешательства.....	82
Первые якудза	84
От северного Кюсю в Кобе и Осаку.....	88
ЯКУДЗА, АЗИАТИЗМ, ФАШИЗМ И ВОЙНА	96
Ультранационалистическое насилие.....	99
1919–1921 годы: политизация якудза и тэкия	104

Деятельность «Кокусуйкай».....	110
Кровавые столкновения.....	114
Японский империализм и организованная преступность.....	118
Агентство Кодамы.....	122
Опиумная мафия.....	126
К военному поражению.....	129

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИМПЕРИИ..... 133

1945–1948 годы: тэкия и гурэнтай бросают вызов якудза.....	134
Император спасен, вместе с якудза.....	141
Поклонник Муссолини в команде Макартура.....	147
1949 год: возвращение Кодамы.....	150
Ультранационализм Сасакавы.....	155
Основание империи Сасакавы.....	159
Возрождение «Кокусуйкай».....	164
«Мацуба-кай».....	170
1960 год, кульминационный момент.....	174

КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА ДО «ПУЗЫРЯ»..... 179

От юаку к закону 1956 года.....	179
Черные туманы.....	185
Мечта об органическом слиянии преступного мира и ультраправых.....	188
Расцвет сокайя.....	193
Кодама и Lockheed.....	196
Экономический пузырь и «третья война в Осаке».....	200
Банкиры-якудза.....	208
Спасти рядового Такэситу.....	212
Пузырь лопается. Скандал с «Сагава кюбин».....	216
Десятилетие, потерянное не для всех.....	218
Императрица Пузыря и другие скандалы.....	221

ЗАКОН О БОРЬБЕ С БАНДАМИ И ЕГО ОГРАНИЧЕННОСТЬ	225
Предостережение Хамады	227
Контекст принятия закона против организованной преступности 1991 года	231
Содержание, эффективность и контрэффективность закона 1991 года.....	234
Разделение, а не распад	240
Перераспределение и перегруппировка	245
Вопрос наркотиков.....	253
СВЯЗИ С ПОЛИТИКОЙ В ХХІ ВЕКЕ	257
Правящие и оппозиционные партии.....	257
Взгляд на Корею	261
Взгляд на Китай	267
Ядерная империя	270
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: БЕСКОНЕЧНАЯ ИМПЕРИЯ	277
Современность единой Японии	278
Система «баш на баш».....	284
Что такое коррупция?.....	287
Фасад, драматическая игра и нигилизм	290
Двойная игра.....	294
Грязная работа	298
ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ	305
ПРИМЕЧАНИЯ	309

Якудза не зависят от установленных норм. Или, по крайней мере, объявляют себя независимыми, а те, кто восхищается их подвигами, верят в это. Потому-то они никогда не носят часов, считая их наручниками. Не носить часы и быть свободными от времени — вот подлинный знак их свободы.

МАРУЯ САЙИТИ. Один в поле
(Татта хитори-но ханран, 1972 г.)

ВВЕДЕНИЕ

Якудза — неотъемлемый элемент социокультурного ландшафта Японии. Даже те, кто никогда не сталкивался с ними лично, легко представляют себе этот образ благодаря кино, литературе или манге: это может быть грубый тип с набриолиненными волосами, в темных очках, гавайской рубашке и лакированных остроносых туфлях, или молчаливый старик в кимоно, затаившийся в своем логове в окружении подручных, готовых выполнить приказ, поклонившись на татами. А то и вовсе полубогаженный мужчина, чье тело покрыто яркими татуировками. Или же бродяга — этаким современный Дон Кихот, бунтарь без причины, слегка романтичный, откровенно нигилистичный, отчаявшийся сам и внушающий отчаяние окружающим. И наконец, куда более редкий образ — деловой человек в галстуке, сидящий за компьютером в своем офисе. Это наиболее вероятный сегодня, но все еще малоизвестный облик японского крестного отца.

Якудза кажутся обособленными, скрытой, тайной частью японского общества, которое и само по себе остается загадочным. Их демонстративные мужественность и брутальность противостоят образу покорной, но утонченной *гейши*. Кажущиеся непобедимыми благодаря своему могуществу, они в то же время могут оказаться проигравшими на большой дистанции — будь то война банд или сама жизнь. Кроме того, в качестве героев кино и литературы они заставляют зрителей

и читателей испытывать сильные эмоции. Но и вне созданного экзотического образа они воплощают силу, к которой, осознанно или нет, тянутся люди.

Японские гангстерские фильмы, зачастую заказанные как бывшими якудза, так и действующими членами группировок, снятые с их же участием в массовке, также усиливают *эффект правдоподобия*. В свое время публика ломилась на такие фильмы. Однако это вовсе не значит, что зрители собирались покрывать себя татуировками или отрубать мизинец в знак искупления позора, как делали герои на экране. Сейчас, конечно, криминальный мир уже не так популярен.

Успех от этого эффекта правдоподобия доставался не только актерам-японцам. Например, Ален Делон, сыгравший хладнокровного и методичного убийцу в фильме «Самурай» (1967, реж. Жан-Пьер Мельвиль), где японское название трактуется несколько вольно, многих поразил в Японии. Там он стал социальной (и рекламной) иконой, а его японский «аналог» из того же поколения Такакура Кэн* завоевал западную, преимущественно женскую, аудиторию.

С философской точки зрения история предполагает прогресс и неминуемый триумф демократии над тираническими формами правления. Вследствие чего организованная преступность должна относиться к архаичным, практически феодальным социально-экономическим структурам и ей суждено исчезнуть под натиском современности. Однако якудза по-прежнему многочисленны и могущественны в Японии — демократической, индустриальной и технологичной стране.

* Здесь и далее японские имена даны в соответствии с японской традицией: вначале фамилия, затем имя. — *Прим. ред.*

Что это, исключение или своего рода отставание? Факт существования организованной преступности в других странах доказывает: постановка вопроса неверна. Сравнение с другими случаями, в частности с сицилийской мафией, позволяет выявить общие черты у организованной преступности на разных континентах, демонстрируя, что ничего экзотического в этом явлении нет.

Феномен якудза имеет четкую историческую датировку и географическую локализацию. Конечно, бандитизм существовал в Японии всегда, но можно ли считать его явлением того же порядка? Да, в XIX веке существовали маргинальные группы, действующие вне закона, но были ли они предшественниками первых якудза? И действительно ли самурайский кодекс *бусидо** придумали преступники?

Безусловно преступники нарушают закон, но их никак нельзя назвать революционерами. У них нет проекта переустройства общества. В лучшем случае преступность пропагандирует помощь вдовам и сиротам, защиту слабых. Ее покровительственность позволяет компенсировать недостатки государственной поддержки и иногда обеспечивает ей лояльность общества. Для Японии характерна историческая связь преступного мира с ультраправыми по трем направлениям: идеология, действия и организация. Таким образом, история якудза — это во многом история японского ультраправого движения.

Эта книга предлагает несколько гипотез о связи между якудза, национализмом, капитализмом и движением

* Бусидо (яп.) — «путь воина»; обычно понимается как некая совокупность норм и правил, составляющих «кодекс самурая». Основным текстом, содержащим эти нормы и правила, считается многотомный трактат под названием «Хагакурэ» («Сокрытое в листве», 1716). — *Здесь и далее прим. науч. ред., если не указано иное.*

люмпен-пролетариата, в том числе и в наше время, когда нельзя не учитывать влияние нигилизма. Особое внимание в ней уделяется глубинным антропологическим связям. Сочетая этнографический подход, политическую историю и географический (или геополитический) контекст, автор стремится избежать ловушек эссенциализма, культурного упрощения и фольклоризма.

Анализ закона 1991 года, официально направленного на борьбу с организованной преступностью, и его последствий раскрывает масштаб политического вопроса, а именно глубинную двойственность государства. Осознание этого актуально как для Японии, так и для других стран. Однако рассуждение о политике Японии в конечном счете приводит к вопросу о реальной природе ее демократии и попытке понять роль символичной фигуры, иногда полностью скрытой, а иногда такой же заметной, как якудза. Речь идет об императоре, *тэнно*, или «монархе» в современной терминологии.

Чувствительная тема, деликатная методология

По определению, криминальный мир ведет свои дела в тени. Но каким-то образом он должен демонстрировать свое существование, иначе угроза, позволяющая ему манипулировать другими, останется лишь виртуальной. Якудза любят, когда о них говорят, пусть даже плохо, но не следует при этом заходить слишком далеко. Эта склонность к дозированной открытости позволяет получить определенное количество информации, часто из первых рук, поскольку японские крестные отцы любят откровенничать.

Иногда они пишут мемуары. Известно также, какая территория подконтрольна якудза. Их достаточно легко опознать на улице или в баре. Благодаря новому закону, обязывающему любую банду регистрироваться и указывать адрес своей штаб-квартиры, каждый может узнать даже ее официальное местоположение.

Якудза нуждаются в определенной форме легитимации. Их лидеры поняли, что культурные, социальные и антропологические аспекты этого явления с его ритуалами, кодексами и обычаями можно сделать в некотором роде привлекательными, демонстрируя лишь их внешние проявления. Некоторые бандитские татуировки так красивы! Неужели не существует японских Робин Гудов? Разве мы жестокие громилы? Разве за теплом стаканчиков саке, которыми обмениваются при посвящении, не раскрывается почти нетронутый мир древних традиций? «Кодекс чести» не может быть пустым звуком!

Вывод, который делает на итальянском примере криминолог Клотильда Шампераш, справедлив и для Японии: «стремление к легитимации — неотъемлемая черта любой мафии. Изначально это проявляется в создании оправдывающих мифов, среди которых главенствует образ “человека чести” и его кодекс поведения. Мафиози как “социальный предприниматель” участвует в построении мифа о “хорошей мафии”. Мафиози предоставляет рабочие места, доходы, позиционируя себя не только как бизнес-лидер, но и как институцию, прибегая к которой можно получить доступ к повседневным товарам и услугам. Перераспределение ресурсов почти безболезненно заменяет насилие в качестве метода получения максимального контроля над населением»¹.

Тем не менее понять детали этого механизма — задача не из легких. Необходимо выбирать крайне деликатную

методологию исследования из-за характера «источников». Часто целью журналистских расследований, более или менее подробных, становится поиск сенсаций или страшных подробностей. И любопытство к экзотике, которое изначально сопутствует восприятию Японии, может препятствовать критическому взгляду и необходимой дистанции. Подобные исследования порой становятся предвзятыми, поскольку привлекают японские источники, предоставляющие только «удобную» информацию — из стремления создать положительный образ страны.

Ярким примером мифологизации служит история, связанная с возникновением группировки «Айдзукотэцу-кай»*. Основатель банды, от которой она ведет свое начало, Косака Сэнкити (1833–1885), часто упоминается как «странствующий рыцарь» (*кёкаку*), находившийся под покровительством рода Айдзу, который вернул себе милость при новой власти эпохи Мэйдзи**. Он стал профессиональным игроком (*бакуто*) и за эту деятельность был заключен в тюрьму на срок около десяти месяцев в 1883–1884 годах.

Однако у него было и другое занятие: он был исполнителем *нанива-буси****, песен, также известных под названием *рокёку*, которые обычно сопровождаются игрой на *сямисэне*

* Айдзукотэцу-кай (яп.) — букв. «Общество короткого клинка Айдзу». Айдзу в данном случае — область в префектуре Фукусима.

** Мэйдзи (1868–1912 годы) — период в истории Японии, связанный с освоением западного опыта, технологий и обычаев. Император был формально восстановлен в правах, но к его традиционной функции верховного жреца синтоизма на символическом уровне добавились черты образцового просвещенного западного монарха. Реальная же власть принадлежала кабинетам, созданным по западной модели.

*** Нанива-буси (яп.) — жанр песенного сказа, популярный в период Эдо (1603–1868 годы).

(лютне). Произведения этого жанра, зародившегося в регионе Кансай*, исполнялись в специальных залах, а затем и в театрах, которые стали открываться в конце эпохи Мэйдзи. Нанива-буси «повествуют истории о великодушных героях, преданных вассалах или добродетельных женщинах, которые всегда остаются верны чувству долга (*гири*), какие бы невзгоды им ни пришлось перенести»².

Иными словами, Косака сам сочинял истории, включая те, что служили его собственным интересам и интересам его криминального окружения. Учитывая невероятную популярность нанива-буси вплоть до середины XX века, можно понять, каким образом якудза создали собственную легенду и почему она оказалась столь живучей. Группировка бакуто, которую, как предполагается, основал Косака в 1868 году, не похожа на современную мафиозную структуру. Однако она послужила основой для ее формирования, в частности, благодаря сыну Косаки — Уносукэ, который в 1886 году создал настоящую преступную группировку «Айдзукотэцу-кай».

Трудности с получением информации создает и японская полиция. Руководствуясь официальными установками правительства и требованиями общественности, она считает делом чести не только взять под контроль преступный мир, но и покончить с ним. Полицейские отчеты о расследованиях, оформленные в виде «Белых книг», общедоступны и изобилуют данными, но носят парадоксальный характер. Они демонстрируют масштаб явления, подтверждая тем самым его реальное существование. В гонке за статистикой из года в год растет количество арестов, а преступлений

* Кансай (яп.) — регион на западе Японии, куда относятся Осака, Кобе, Киото и Нара и др.

меньше не становится: подобно Лернейской гидре, на месте отрубленных голов мгновенно вырастают новые.

С 1926 года полиция использует выражение «*борёкудан*» (что дословно означает «банды насильников») вместо слова «якудза» (официально термин «борёкудан» был закреплён законом 1991 года). Таким образом, японские стражи порядка указывают на реальные действия: принуждение с особой жестокостью, организованное групповое насилие... То есть полиция акцентирует внимание на видимой части преступлений, например уличных драках, фотографии которых охотно тиражируют СМИ. Но при этом оставляет невидимым самое главное: структурирование общества посредством системы покровительства, взыскания долгов и наложения обязательств.

Фактически мы сталкиваемся с проблемой корректной идентификации явлений организованной преступности, которую терминология, к тому же подвергаемая манипуляциям, передает не всегда адекватно. Благодаря кажущейся близости, представителей якудза и борёкудан зачастую объединяют в одну и ту же категорию преступности, в то время как между ними имеются существенные различия, в том числе связанные с историей их возникновения. Игроки — не то же самое, что уличные торговцы. Но именно из этих двух социальных групп, по мнению исследователей, сформировались якудза³. Они же держат дистанцию с бандитами и хулиганами.

Все эти миры существуют бок о бок, но отнюдь не смешиваются друг с другом. Это хорошо видно в районах *сака-риба* — буквально «местах, где веселятся». В японском языке есть еще одно слово для названия подобных кварталов — *мидз сёбай*, дословно «торговля водой». На самом деле имеется в виду не вода, а удовольствия, которые могут принимать

жидкую форму (алкоголь, жидкости половой секреции, время). В один и тот же момент там не могут встретиться представители разных миров. Во время праздника уличные торговцы работают перед храмами и на улицах, игорные притоны же скрываются внутри зданий. Но есть и то, что их сближает: все они вне закона. Кроме того, у них схожая иерархическая структура (с соответствующей терминологией), похожие модели функционирования и, наконец, близкая идеология, связанная с японской имперской традицией.

У якудза есть собственные представители в прессе, оказывающие влияние на общественное мнение, так называемые журналисты *гокудо**. Буквально «крайний путь», так изначально обозначали человека, познавшего буддистский закон, однако позже это слово стало эвфемизмом, используемым якудза для самонаименования. «Журналисты *гокудо*» вращаются в среде якудза, получают необходимую информацию, которую при необходимости могут приукрасить или драматизировать. При этом они четко понимают, когда нужно остановиться.

Те, кто преступил границу дозволенного, хранят не лучшие воспоминания, если, конечно, остаются в живых. Например, бывший якудза, ставший писателем, Ацуси Мидзогути был ранен ножницами за то, что «наговорил лишнего». Помимо «журналистов *гокудо*», есть и бывшие члены преступных группировок (а может, и не такие уж бывшие, поскольку бывших не бывает), которые либо рассказывают собственную историю, как Абэ Дзёдзи (1937–2019), либо берутся за романы о преступном мире, как Фудзита Горо (1931–1993), которого считают пионером этого жанра.

* Гокудо (яп.) — также «жестокый, злодейский, беспутный, безнравственный; злодей, негодяй, распутник».

Эти истории могли бы быть полезны в качестве свидетельств, но в них не всегда удается отделить правду от вымысла: чересчур романтично все изложено — кодекс чести, благородство, доблесть. Более полными, но все же до определенной степени, можно назвать книги ключевых действующих лиц, таких как Юкио Яmanoути (р. 1946), долгое время служившего адвокатом клана «Ямагути-гуми». Кроме него, интересны материалы увлеченного историей журналиста Ино Кэндзи, историка-исследователя Миядзакки Манабу, имеющего якудза среди предков, или же криминологов, глубоко изучивших эту тему.

Якудза традиционно любят гангстерские фильмы, подобно советским руководителям, которые обожали Джеймса Бонда, и регулярно подбрасывают новые идеи и сюжеты для продолжения. Для этого даже существует специальная пресса — *дзицуvasи*, «журналы правдивых историй». Очевидно, что в самом названии заложена ирония. В зависимости от своего направления то или иное издание публикует сплетни, скандальные происшествия с участием якудза, истории о привидениях, эротические рассказы, сопровождаемые пикантными фотографиями. Предоставляемая ими информация о преступном мире может быть полезной, но едва ли поддается проверке...

Западные исследователи, пытавшиеся совместить в своих работах исторический и антропологический подходы, представили механизмы функционирования якудза, их иерархию, ритуалы и свод правил (татуировки, стиль одежды, обычай отрезания пальца — *юбицумэ* — в качестве наказания)⁴. Сделав акцент на системе ценностей, которая якобы превращает якудза в современных рыцарей, они создали образ на стыке людей чести и «благородных разбойников»⁵. В этих исследованиях есть подробный разбор правонарушений и описание

Введение

внутренней организации⁶. Однако специалистам, за исключением отдельных случаев, не всегда удавалось глубоко изучить связи якудза с миром политики⁷. Эта тема, надо признать, носит деликатный характер, учитывая социально-политическое устройство Японии, которое имеет мало общего с западными демократиями.

Япония действительно представляет собой как бы две империи. С одной стороны, это территория, где все подчинено и фактически, и символически фигуре императора, тэнно. С другой стороны, это также пространство, где правят якудза, используя для этого разнообразные средства: рэкет, запугивание, шантаж, азартные игры, проституцию, совмещая их с нелегальной, а порой и легальной деятельностью, наркотрафиком и политическими диверсиями.

Империя якудза простирается и за государственные границы, сложно сказать, насколько далеко. Во времена экономической эйфории 1980-х годов американские руководители и публицисты выражали обеспокоенность по поводу ее распространения в направлении Соединенных Штатов и других стран, вовлеченных в наркоторговлю. Сегодня проблема, очевидно, сместилась в сторону Восточной Азии, и для ее понимания потребовалось бы провести отдельное исследование в каждой из стран. В действительности же судьба якудза решается в самой Японии и связана с неонационализмом и новыми экономическими возможностями.

П Л Ю Щ И Р О М Б Я П О Н И И

Политической теории, противопоставляющей капитализм добродетельный и правовой капитализму хищническому и мафиозному, свойственен ряд ограничений при изучении различных экономических кризисов, типа ипотечного, или явлений, остающихся в рамках закона, но граничащих с криминалом, например офшоров и прочих схем отмывания «грязных» денег.

Одно из направлений этой теории затрагивает тему паразитизма: якобы преступный мир ничего не производит. Однако благодаря функциональной «защите» «нормальных» видов труда — через *pizzo**, или рэкет, — это сообщество, по сути, гарантирует стабильность производственных отношений. А благодаря все более глубокому внедрению в сферы, приносящие доход, оно само становится «производителем». В настоящее время криминальное сообщество полностью интегрировано в капиталистическую систему, что хорошо видно по полному циклу оборота наркотиков — от выращивания мака до продажи готовых упаковок, включая лабораторное производство.

* В мафиозном контексте — деньги, полученные путем вымогательства и расходуемые в целях оказания протекции.

Некоторые якудза даже заявляют о своей экономической полезности, о чем свидетельствует название одного из их идеологических объединений, основанного в 1931 году, — «Производственная партия» (*Сэйсанто*). Ее цель сводилась к поддержке стойких рабочих и крестьян в их борьбе против бюрократии и «нуворишей» (*нарикэн*), чьи состояния выросли на финансовых аферах.

Деятельность преступного мира ориентирована на «самовоспроизводство». Так, незаметно или открыто (благодаря литературе и кинематографу) в общественном сознании легитимизируется система моральных ценностей мафии: жесткая иерархия, повиновение и покорность, силовое доминирование и насилие.

Другое направление этой теории находит источник проблем исключительно в культурных причинах. Объясняя реальность грандиозной глобализации криминальной экономики, присутствующей во всех странах (оборот наркотиков, оружия, продажа органов, индустрия азартных игр и т.д.), она ставит вопрос о «столкновении цивилизаций», в основе которого противоборство не различных религий, а более или менее тайных сообществ, сформированных определенными социокультурными факторами.

В конечном итоге наибольшую убедительность демонстрирует теория плюща, сформулированная на примере современной Италии⁸. Согласно ей, мафия прирастает к государству, подобно тому как плющ обвивает дерево. Она не всегда является паразитом, ведь плющ губит дерево лишь в тех случаях, когда оно недостаточно жизнестойко. Преступный мир нуждается в государстве как в опоре, в то время как государству он служит для выполнения грязной работы или управления не желающей ему подчиняться частью общества. Государство и преступный мир

сосуществуют в симбиозе, в состоянии взаимного притяжения. Теория плюща близка взглядам американского социолога Чарльза Тилли, для которого преступность представляет не противоположность легитимному государству, а его дополнение⁹.

Согласно этой точке зрения, организованная преступность, играя роль соперника и конкурента государства, в то же время остается его партнером, поскольку приспосабливается к нему. Она не стремится к свержению власти, а старается использовать ее в своих целях и держать под своим контролем. Симметрично и государство может представлять собой группу дельцов, захвативших власть, вполне возможно, законными методами. Достаточно вспомнить «баронов-разбойников» (Джон Пирпонт Морган, Рокфеллер, Форд и пр.), прорвавшихся к власти в Америке благодаря многочисленным махинациям, или российских олигархов, распродавших советскую экономику по частям, или наркоторговцев в Колумбии и Мексике. Япония, при всей ее внешней благообразности и упорядоченности, в некоторых сферах, подчас весьма заметных, отстоит от этих стран не так уж и далеко.

Оспаривая представление о структуре якудза в Японии как о пережитке постфеодальной традиции, теория плюща выходит за рамки марксистской или либеральной философии истории, имеющей линейный телеологический взгляд на ход событий, ограниченный понятиями архаики, модерна и постмодерна.

Вопрос о «социальном бандитизме» в Японии

Историк Эрик Хобсбаум усматривает определенную связь между «бандитами чести» в эпоху феодализма и народными восстаниями XIX века, имевшую место в Европе. Ряд исследователей (Понс, Бурума, Синиавер*) допускает, что подобная связь существует и в Японии.

В наши дни этот вопрос приобретает идеологическую остроту: японская неонационалистическая литература настаивает на том, что первые националисты и азиатисты эпохи Мэйдзи выражали социальные устремления. Согласно этим источникам, аналогично вели себя и зарождавшиеся якудза, находящиеся с ними в близких отношениях. Брожение японского субпролетариата в конце XIX века привело не к социализму, а к популистскому симбиозу национализма и азиатизма.

Действительно, среди активистов многочисленных крестьянских восстаний, которые произошли в Японии в этот период, встречаются и профессиональные игроки бакуто. Их роль в переходе от *сёгуната* к Мэйдзи отмечают многие исследователи, правда, оценивая по-разному. Неоднозначность ситуации прекрасно иллюстрирует история Ямамото Тёгоро (1820–1893), более известного под прозвищем Симидзу-но Дзиротё, или Дзиротё из Симидзу, по названию одноименного городка.

* Филипп Понс (р. 1942) — французский историк, японовед и кореевед, журналист; Йен (Иан) Бурума (р. 1951) — нидерландско-американский журналист, много писавший о культуре стран Азии; Эйко Маруко Синиавер — профессор истории (Уильямс Колледж, Массачусетс).

По определению Филиппа Понса¹⁰, он был «бандитом чести». Однако его биография доподлинно неизвестна, поскольку основывается на сочинениях его приемного сына Амады Гуана. Эти сочинения многократно переиздавались, и в них Дзиротё представляется японским Робин Гудом¹¹.

Дзиротё родился в Симидзу, небольшом, но важном городке, стоящем на оживленном тракте в регионе Токайдо между Киото и Эдо¹². Его взял на воспитание родной дядя, торговец рисом. В пятнадцатилетнем возрасте молодой человек сбегает в город Эдо. История умалчивает о точных причинах его поступка. По одной версии, он украл у дяди деньги и поехал развлекаться, по другой — скрывался, совершив убийство. Через некоторое время он вернулся в Симидзу, где проводил много времени играя, затевал драки, а в 1842 году убил одного бакуто из-за долга. После чего он начал «бродячую жизнь» (*мусюкунин**), зарабатывая на жизнь игрой и часто переезжая с места на место. Прославился он как «босс Токайдо» (*Кайдо ити но оябун*), чьи владения простирались до Нагои. Он продолжает играть, заниматься организацией заказных убийств и совершать нападения на конкурирующие банды бакуто.

В 1868 году гражданская война Босин** достигает своего апогея. 29 мая власти сёгуната вверяют Дзиротё охрану порта Симидзу и освобождают от ответственности за все преступления. На протяжении нескольких недель Дзиротё противостоит в Сунпу (нынешняя Сидзуока) отряду «Красные новобранцы» (*Сэкихотай*) под командованием некоего Курокомы Кацудзо (1832–1871), состоявшего на службе союза

* Мусюкунин (яп.) — бездомный.

** Гражданская война между сторонниками сёгуната Токугава и проимператорскими силами. — *Прим. пер.*

Сацума и Тёсю (Саттё) и сражавшегося в составе движения «Почитай императора» (*сонно*).

В идейно-политическом противостоянии двух воинов скрывалась и другая, куда более приземленная вражда. Курокома вращался в кругах бакуто. Он правил в Кои (будущая префектура Кофу), в то время как Дзиротё хозяйничал в Симидзу, они соседи. Их банды соперничают за контроль над речными перевозками по реке Фудзикава и заодно сопутствующей игровой инфраструктурой. Двадцать лет они беспрестанно сражались, порой участвуя в альянсах, прибегая к изменам, насилию и предательству.

Однажды экипаж одного из кораблей сёгуна стал жертвой резни во время ремонта в доках Симидзу в сентябре 1868 года. Опечаленный Дзиротё отправился собирать плавающие в воде тела, чтобы с подобающими почестями предать их земле. Этот поступок вызвал почтение у приверженцев обоих лагерей. Историки обычно усматривает в этом доблестный акт рыцарского сострадания, однако, вероятно, здесь был двойной расчет: некоторые из людей Дзиротё участвовали в резне на стороне бакуто, чья победа еще не была очевидной. Дзиротё же, до тех пор официально состоявший на службе у сёгуната, чувствовал, что ветер меняется. После победы Мэйдзи он поначалу затаился. В феврале 1871 года он затеял проект по расчистке земель для сельского хозяйства, но бросил эту затею, встретив враждебное отношение крестьян из близлежащей деревни.

За некоторое время до резни в доках, в январе 1868 года, его старый соперник Курокома Кацудзо вступил в новую регулярную армию. Однако позже был арестован по подозрению в дезертирстве и в октябре 1871 года обезглавлен. Дзиротё же начал заниматься чаеводством, используя труд заключенных, и спустя время создал судоходную компанию

для сбыта своей продукции. Он также открыл школу английского языка — шаг, который можно счесть в равной степени и филантропическим, и корыстным, поскольку чаеоторговля велась с международными партнерами.

Бакуто, обитающие среди низших слоев населения, представляли собой мощную сеть — и оказались втянутыми в водоворот народных волнений.

В 1880-е годы японская деревня переживала период экономических, социальных и политических потрясений¹³. Аграрная реформа 1873 года обложила землевладельцев более тяжелым налогом, уничтожив самых слабых. Дефляционная политика министра финансов Мацукаты в 1881–1885 годах повлекла обвал цен на сельскохозяйственную продукцию. Налоги росли, а обязательная воинская повинность, распространявшаяся на юношей, достигших двадцатилетнего возраста, называлась в народе «кровавый налог» (*кэцудзэй*).

Бакуто представляли для нового правительства Мэйдзи определенную проблему. Часть из них участвовала в Движении за свободу и народные права (*Дзию минкэн ундо*), где их роль непрерывно росла, как, например, во время крестьянского восстания в Титибу в 1884 году¹⁴. Другая же часть, выходцы из батальонов добровольцев *сёгитай**, поддержавшие имперскую реставрацию и обеспечившие победу, не желали расставаться с оружием. Будучи верными самураями, они так и не получили статуса *сидзоку***, который был положен им за хорошую службу. Их затяжные переговоры о его получении потерпели окончательную

* Сёгитай (яп.) — специальные самурайские штурмовые формирования.

** Сидзоку (яп.) — сословие нетитулованной знати, сформированное из самураев (или их потомков).

неудачу в июле 1878 года¹⁵. Новый же режим вызывал разочарование и недовольство. Тем не менее бакуто оказались очень полезны для режима, как показывали примеры Дзиротё на Токайдо или «Гэньёся» в Кюсю: они создали рынок труда для народных масс, тем самым способствуя экономическому развитию.

4 января 1884 года Министерство внутренних дел, которым тогда руководил аристократ старой закалки Сандзё Санэтоми (1837–1891), издало документ под названием «Рестрикт о наказании за преступные азартные игры» (*Тобакухан сёбун кисоку*). Облавы и аресты бакуто множились. Однако не всех арестантов постигла одинаковая участь. Дзиротё из Симидзу, например, не оставивший свои привычки, хотя и был арестован 25 февраля 1884 года за нарушение закона и приговорен к семи годам тюрьмы, через несколько месяцев вышел на свободу. Косака Сэнкити из Киото, основатель банды «Айдзукотэцу-кай», открывший игорный притон в Осаке, также получил снисхождение.

Возникает вопрос: не стали ли меры 1884 года против азартных игр коварным способом сперва вызвать недовольство среди бакуто, одновременно создав юридические инструменты для их наказания, а затем, усмирив народное волнение широкой волной репрессий, сохранить над ними контроль, приручив их? Иначе говоря, обеспечить их трансформацию в ту форму, которую мы знаем теперь как якудза. Прозвание *окарикоми* («великая обрезка»), данное мерам 1884 года, служит тому свидетельством: обрезают, выравнивают, но не выкорчевывают с корнем. Иными словами, создание юридических рамок для преступления и наказания сопровождало политическую нормализацию, которая позволила отделить полезных мятежников от действительно опасных элементов.

Якудза и национальное строительство

Император — священный символ чистоты и власти, в социологическом и антропологическом смысле противостоит страху и преступному миру — символу преисподней и неповиновения. Тэнно и якудза исторически и геополитически формировались одновременно во второй половине XIX века. Во всяком случае если мы говорим о тэнно в современном его понимании, то есть рассматриваем период, начиная с императора Мэйдзи (Мацухито) и далее на протяжении всех последующих эпох — Тайсё, Сёва, Хэйсэй, Рэйва — вплоть до наших дней. И подразумеваем организованную преступность, а не грабителей с большой дороги, как феодальные времена.

Параллельное формирование необходимо учитывать, чтобы понять, почему в XXI веке в такой гиперсовременной, технологичной и, казалось бы, демократической стране, как Япония, все еще сосуществуют и тэнно, и якудза. При этом обе структуры не являются архаизмами, напротив, их наличие свидетельствует о процессе модернизации, который во многих отношениях можно назвать оригинальным, но никак не уникальным, если вспомнить аналогичные примеры мафии или каморры в Италии.

Исторически сложилось так, что возвращение японского императора на политическую арену, начавшееся с эпохи Мэйдзи в 1868 году и ставшее следствием промышленной модернизации страны, сопровождалось формированием организованной преступности, которая уже не имела ничего общего с разбойниками феодальных времен. Самые фанатичные сторонники императора — ультранационалисты — зачистую имели связи с преступным миром. По словам антрополога Джорджа Де Воса и психолога Мизушимы Кэйити,